

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Охота жить. Василий Макарович Шукшин

Поляна на взгорке, на поляне – избушка.

Избушка – так себе, амбар, рядов в тринадцать–четырнадцать, в одно оконце, без сеней, а то и без крыши. Кто их издревле рубит по тайге?.. Приходят по весне какие-то люди, валят сосняк поровней, ошкуривают... А ближе к осени погожими днями за какую-нибудь неделю в три-четыре топора срубят. Найдется и глина поблизости, и камни – собьют камелек, и трубу на крышу выведут, и нары сколотят – живи не хочю!

Зайдешь в такую избушку зимой – жилым духом не пахнет. На стенах, в пазах, куржак, в ладонь толщиной, промозглый запах застоялого дыма.

Но вот затрещали в камельке поленья... Потянуло густым волглым запахом оттаивающей глины; со стен каплет. Угарно. Лучше набить полный камелек и выйти пока на улицу, нарубить загодя дровишек... Через полчаса в избушке теплее и не тяжко. Можно скинуть полушубок и наторкать в камелек еще дополна. Стены слегка парят, тихое блаженство, радость. "А-а!..- хочется сказать.- Вот так-то". Теперь уж везде почти сухо, но доски нар еще холодные. Ничего – скоро. Можно пока кинуть на них полушубок, под голову мешок с харчами, ноги – к камельку. И дремота охватит – сил нет. Лень встать и подкинуть еще в камелек. А надо.

В камельке целая огненно-рыжая горка углей. Поленья сразу вспыхивают, как береста. Тут же, перед камельком, чурбачок. Можно сесть на него, закурить и – думать. Одному хорошо думается. Темно. Только из щелей камелька светится; свет этот играет на полу, на стенах, на потолке. И вспоминается бог знает что! Вспомнится вдруг, как первый раз провожал девку. Шел рядом и молчал как дурак... И сам не заметишь, что сидишь и ухмыляешься. Черт ее знает – хорошо!

Совсем тепло. Можно чайку заварить. Кирпичного, зеленого. Он травой пахнет, лето вспоминается.

...Так в сумерки сидел перед камельком старик Никитич, посасывал трубочку. В избушке было жарко. А на улице – морозно. На душе у Никитича легко. С малых лет таскался он по тайге – промышлял. Белковал, а случалось, медведя-шатуна укладывал. Для этого в левом кармане полушубка постоянно носил пять-шесть патронов с картечным зарядом. Любил тайгу. Особенно зимой. Тишина такая, что маленько давит. Но одиночество не гнетет, свободно делается; Никитич, прищурившись, оглядывался кругом – знал: он один безраздельный хозяин этого большого белого царства.

...Сидел Никитич, курил.

Прошаркали на улице лыжи, потом – стихло. В оконце вроде кто-то заглянул. Потом опять скрипуче шаркнули лыжи – к крыльцу. В дверь стукнули два раза палкой.

– Есть кто-нибудь?

Голос молодой, осипший от мороза и долгого молчания – не умеет человек сам с собой разговаривать.

"Не охотник", – понял Никитич, охотник не станет спрашивать зайдет, и все.

– Есть!

Тот, за дверью, отстегнул лыжи, приставил их к стене, скрипнул ступенькой крыльца... Дверь приоткрылась, и в белом облаке пара Никитич едва разглядел высокого парня в подпоясанной стеганке, в ватных штанах, в старой солдатской шапке.

– Кто тут?

– Человек, – Никитич пожег лучину, поднял над головой.

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Некоторое время молча смотрели друг на друга.

- Один, что ли?

- Один.

Парень прошел к камельку, снял рукавицы, взял их под мышку, протянул руки к плите.

- Мороз, черт его...

- Мороз.- Тут только заметил Никитич, что парень без ружья. Нет, не охотник.

Не похож. Ни лицом, ни одежкой.- Март - он ишо свое возьмет.

- Какой март? Апрель ведь.

- Это по-новому. А по-старому - март. У нас говорят: марток надевай двое порток. Легко одетый.- Что ружья нет, старик промолчал.

- Ничего,- сказал парень.- Один здесь?

- Один. Ты уж спрашивал.

Парень ничего не сказал на это.

- Садись. Чайку щас поставим.

- Отогреюсь малость...- Выговор у парня нездешний, расейский. Старика разбирало любопытство, но вековой обычай - не лезть сразу с расспросами - был сильнее любопытства,

Парень отогрел руки, закурил папироску.

- Хорошо у тебя. Тепло.

Когда он прикуривал, Никитич лучше разглядел его - красивое бледное лицо с пушистыми ресницами. С жадностью затаился, приоткрыл рот - сверкнули два передних золотых зуба. Оброс. Бородка аккуратная, чуть кучерявится на скулах... Исхудал... Перехватил взгляд старика, приподнял догорающую спичку, внимательно посмотрел на него. Бросил спичку. Взгляд Никитичу запомнился: прямой, смелый... И какой-то "стылый" так - определил Никитич. И подумал некстати: "Девки таких любят".

- Садись, чего стоять-то?

Парень улыбнулся:

- Так не говорят, отец. Говорят - присаживайся.

- Ну, присаживайся. А пошто не говорят? У нас говорят.

- Присесть можно. Никто не придет еще?

- Теперь кто? Поздно. А придет, места хватит.- Никитич подвинулся на пеньке, парень присел рядом, опять протянул руки к огню. Руки - не рабочие. Но парень, видно, здоровый. И улыбка его понравилась Никитичу - не "охальная", простецкая, сдержанная. Да еще эти зубы золотые... Красивый парень. Сбрей ему сейчас бородку, надень костюмчик - учитель, Никитич очень любил учителей.

- Иолог какой-нибудь? - спросил он.

- Кто? - не понял парень.

- Ну... эти, по тайге-то ищут...

- А-а... Да.

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Как же без ружьишка-то? Рыск.

- Отстал от своих,- неохотно сказал парень.- Деревня твоя далеко?

- Верст полтораста.

Парень кивнул головой, прикрыл глаза, некоторое время сидел так, наслаждаясь теплом, потом встряхнулся, вздохнул:

- Устал,

- Долго один-то идешь?

- Долго. У тебя выпить нету?

- Найдется.

Парень оживился:

- Хорошо! А то аж душа трясется. Замерзнуть к черту можно. Апрель называется...

Никитич вышел на улицу, принес мешочек с салом. Засветил фонарь под потолком.

- Вас бы хоть учили маленько, как быть в тайге одному... А то посылают, а вы откуда знаете! Я вон лонись нашел одного - вытаял весной. Молодой тоже. Тоже с бородкой. В одеяло завернулся - и все, и очурился.- Никитич нарезал сало на краешке нар.- А меня пусти одного, я всю зиму проживу, не охну. Только бы заряды были. Да спички.

- В избушку-то все равно лезешь.

- Да как раз она есть, чего же мне на снегу-то валяться? Я не лиходея себе. Парень распоясался, снял фуфайку... Прошелся по избушке. Широкоплечий, статный. Отогрелся, взгляд потеплел - рад, видно, до смерти, что набрел на тепло, нашел живую душу. Еще закурил одну. Папиросами хорошо пахло. Никитич любил поговорить с городскими людьми. Он презирал их за беспомощность в тайге; случалось, подрабатывал, провожая какую-нибудь поисковую партию, в душе подсмеивался над ними, но любил слушать их разговоры и охотно сам беседовал. Его умиляло, что они разговаривают с ним ласково, снисходительно похихатывают, а сами оставь их одних - пропадут, как сосунки слепые. Еще интересней, когда в партии - две-три девки. Терпят, не жалуются. И все вроде они такие же, и никак не хотят, чтоб им помогали. Спят все в куче. И ничего - не безобразничают. Доводись до деревенских - греха не оберешься. А эти ничего. А ведь бывают - одно загляденье: штаны узкие наденет, кофту какую-нибудь тесную, косынкой от мошки закутается, вся кругленькая кукла и кукла, а ребята - ничего, как так и надо.

- Кого ищите-то?

- Где?

- Ну, ходите-то.

Парень усмехнулся себе:

- Долю.

- Доля... Она, брат, как налим, склизкая: вроде ухватил ее, вроде - вот она, в руках, а не тут-то было.- Никитич настроился было поговорить, как обычно с городскими - позаковырестей, когда внимательно слушают и переглядываются меж собой, а какой-нибудь возьмет да еще в тетрадку карандашиком чего-нибудь запишет. А Никитич может рассуждать таким манером хоть всю ночь - только развесит уши. Свои бы, деревенские, боталом обозвали, а эти слушают. Приятно. И сам иногда подумает о себе: складно выходит, язвы ть. Такие турысы разведет, что тебе поп раньше. И лесины-то у него с душой: не тронь ее, не секи топором зазря, а то засохнет, и сам засохнешь - тоска навалится, и засохнешь, и не догадаешься, отчего тоска такая. Или вот: понаедут из города с ружьями и давай направо-налево: трах-бах! - кого попало: самку - самку, самца - самца, лишь бы убить. За такие дела надо руки выдергивать. Убил ты ее, медведицу, а у ей двое

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
маленьких. Подохнут. То ты одну шкуру добыл, а подожди маленько-три будет.
Бестолковое дело - душу на зверье тешить.- Вот те и доля,- продолжал Никитич,

Только парню не хотелось слушать. Подошел к окну, долго всматривался в темень.
Сказал, как очнулся;

- Все равно весна скоро.

- Придет, никуда не денется. Садись, Закусим чем бог послал.

Натаяли в котелке снегу, разбавили спирт, выпили. Закусили мерзлым салом. Совсем
на душе хорошо сделалось, Никитич подкинул в камелек. А парня опять потянуло к
окну. Отогрел дыханием кружок на стекле и все смотрел и смотрел в ночь,

- Кого ты щас там увидишь? - удивился Никитич. Ему хотелось поговорить.

- Воля,- сказал парень, И вздохнул. Но не грустно вздохнул. И про волю сказал -
крепко, зло и напористо, Откачнулся от окна.

- Дай еще выпить, отец.- Расстегнул ворот черной сатиновой рубахи, гулко хлопнул
себя по груди широкой ладонью, погладил.- Душа просит.

- Поел бы, а то с голодухи-то развезет.

- Не развезет. Меня не развезет,- И ласково и крепко приобнял старика за шею.

И пропел:

А в камере смертной,

Сырой и холодной,

Седой появился старик...

И улыбнулся ласково. Глаза у парня горели ясным, радостным блеском.

- Выпьем, добрый человек.

- Наскучал один-то,- Никитич тоже улыбнулся. Парень все больше и больше нравился
ему. Молодой, сильный, красивый. А мог пропасть,- Так, парень, пропасть можно.
Без ружьишка в тайге - поганое дело.

- Не пропадем, отец. Еще поживем!

И опять сказал это крепко, и на миг глаза его заглянули куда-то далеко-далеко и
опять "остыли"... И непонятно было, о чем он подумал, как будто что-то вспомнил,
Но вспоминать ему это "что-то" не хотелось. Запрокинул стакан, одним глотком
осушил до дна. Крякнул. Крутнул головой. Пожевал сала. Закурил. Встал - не
сиделось. Прошелся широким шагом по избушке, остановился посередине, подбоченился
и опять куда-то далеко засмотрелся.

- Охота жить, отец,

- Жить всем охота. Мне, думаешь, неохота? А мне уж скоро...

- Охота жить! - упрямо, с веселой злостью повторил большой красивый парень, не
слушая старика.- Ты ее не знаешь, жизнь. Она...Подумал, стиснул зубы: - Она -
дорогуша. Милая! Роднуля моя.

Захмелевший Никитич хихикнул:

- Ты про жись, как все одно про бабу.

- Бабы - дешевки.- Парня накаляло какое-то упрямое, дерзкое, радостное чувство.
Он не слушал старика, говорил сам, а тому хотелось его слушать. Властная сила
парня стала и его подмывать.

- Бабы, они... конечно. Но без них тоже...

- Возьмем мы ее, дорожку,- парень выкинул вперед руки, сжал кулаки,- возьмем, милую, за горлышко... Помнишь Колю-профессора? Забыла? - Парень с кем-то разговаривал и очень удивился, что его "забыли". - Колю-то!.. А Коля помнит тебя. Коля тебя не забыл.- Он не то радовался, не то собирался кому-то зло мстить.- А я - вот он. Прошу, мадам, на пару ласковых, Я не обижу. Но ты мне отдашь все. Все! Возьму!..

- Правда, што ли, баба так раскипятила? - спросил удивленный Никитич.

Парень тряхнул головой:

- Эту бабу зовут - воля. Ты тоже не знаешь ее, отец, Ты - зверь, тебе здесь хорошо. Но ты не знаешь, как горят огни в большом городе. Они манят. Там милые, хорошие люди, у них тепло, мягко, играет музыка. Они вежливые и очень боятся смерти. А я иду по городу, и он весь мой. Почему же они там, а я здесь? Понимаешь?

- Не навечно же ты здесь...

- Не понимаешь.- Парень говорил серьезно, строго.- Я должен быть там, потому что я никого не боюсь. Я не боюсь смерти. Значит, жизнь моя.

Старик качнул головой:

- Не пойму, паря, к чему ты?

Парень подошел к нарам, налил в стаканы. Он как будто сразу устал.

- Из тюрьмы бегу, отец,- сказал без всякого выражения.- Давай?

Никитич машинально звякнул своим стаканом о стакан парня. Парень выпил. Посмотрел на старика... Тот все еще держал стакан в руке. Глядел снизу на парня,

- что?

- Как же это?

- Пей,- велел парень. Хотел еще закурить, но пачка оказалась пустой.- Дай твоего.

- У меня листовуха.

- Черт с ней.

Закурили. Парень присел на чурбак, ближе к огню.

Долго молчали.

- Поймают вить,- сказал Никитич. Ему не то что жаль стало парня, а он представил вдруг, как ведут его, крупного, красивого, под ружьем. И жаль стало его молодость, и красоту, и силу. Сцапают - и все, все псу под хвост: никому от его красоты ни жарко ни холодно. Зачем же она была? - Зря,- сказал он трезво.

- Чего?

- Бежишь-то. Теперь не ранешное время - поймают.

Парень промолчал. Задумчиво смотрел на огонь. Склонился. Подкинул в камелек полено.

- Надо бы досидеть... Зря.

- Перестань! - резко оборвал парень. Он тоже как-то странно отрезвел.- У меня своя башка на плечах.

- Это знамо дело,- согласился Никитич.- Далеко идти-то?

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Помолчи пока.

"Мать с отцом есть, наверно,- подумал Никитич, глядя в затылок парню.- Придет-обрадует, сукин сын".

Минут пять молчали. Старик выколотил золу из трубочки и набил снова. Парень все смотрел на огонь,

- Деревня твоя - райцентр или нет? - спросил он, не оборачиваясь.

- Какой райцентр! До району от нас еще девяносто верст. Пропадешь ты. Зимнее дело - по тайге...

- Дня три поживу у тебя - наберусь силенок,- не попросил, просто сказал.

- Живи, мне што. Много, видно, оставалось - не утерпел?

- Много.

- А за што давали?

- Такие вопросы никому никогда не задавай, отец.

Никитич попыттел угасающей трубочкой, раскурил, затянулся и закашлялся. Сказал, кашляя:

- Мне што!.. Жалко только. Поймают...

- Бог не выдаст - свинья не съест. Дешево меня не возьмешь, давай спать.

- Ложись. Я подожду, пока дровишки прогорят,- трубу закрыть. А то замерзнем к утру.

Парень расстелил на нарах фуфайку, поискал глазами, что положить под голову. Увидел на стене ружье Никитича. Подошел, снял, осмотрел, повесил.

- Старенькое.

- Ничо, служит пока. Вон там в углу кошма лежит, ты ее под себя, а куфайку-то под голову сверни. А ноги вот сюда протяни, к камельку. К утру все одно выстынет.

Парень расстелил кошму, вытянулся, шумно вздохнул.

- Маленький Ташкент,- к чему-то сказал он.- Не боишься меня, отец?

- Тебя-то,- изумился старик.- А чего тебя бояться?

- Ну... я ж лагерник. Может, за убийство сидел.

- За убивство тебя бог накажет, не люди. От людей можно побегать, а от его не уйдешь.

- Ты верующий, что ли? Кержак, наверно?

- Кержак!.. Стал бы кержак с тобой водку пить.

- Это верно. А насчет боженек ты мне мозги не... Меня тошнит от них.- Парень говорил с ленцой, чуть осевшим голосом.- Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил.

- За што?

- За што?,. За то, что сказки рассказывал, врал. Добрых людей нет! А он - добренький, терпеть учил. Паскуда! - Голос парня снова стал обретать недавнюю крепость и злость. Только веселости в голосе уже не было.- Кто добрый? Я? Ты?

- Я, к примеру, за свою жись никому никакого худа не сделал...

- А зверей бьешь! Разве он учил?
- Сравнил хрен с пальцем. То - человек, а то - зверь,
- Живое существо - сами же трепетесь, сволочи.

Лицо парня Никитич не видел, но оно стояло у него в глазах бледное, с бородкой; дико и нелепо звучал в теплой тишине избушки свирепый голос безнадежно избитого судьбой человека с таким хорошим, с таким прекрасным лицом.

- Ты чего рассерчал-то на меня?
- Не врите! Не обманывайте людей, святоши. Учили вас терпеть? Терпите! А то не успеет помолиться и тут же штаны спускает - за бабу хляет, гадина. Я бы сейчас нового Христа выдумал: чтоб он по морде учил бить. Врешь? Получай, сука, погань!
- Не поганься,- строго сказал Никитич.- Пустили тебя, как доброго человека, а ты лаяться начал. Обиделся - посадили! Значит, было за што. Кто тебе виноват?!
- М-м.- Парень скрипнул зубами. Промолчал.
- Я не поп, и здесь тебе не церква, чтобы злобой своей харкать. Здесь - тайга: все одинаковые. Помни это. А то и до воли своей не добежишь - сломишь голову. Знаешь, говорят: молодец - против овец, а спроть молодца - сам овца. Найдется и на тебя лихой человек. Обидишь вот так вот - ни за што ни про што, он тебе покажет, где волю искать.

- Не сердись, отец,- примирительно сказал парень.- Ненавижу, когда жить учат, Душа кипит! Суют в нос слякоть всякую, глистов: вот хорошие, вот как жить надо. Ненавижу! - почти крикнул.- Не буду так жить. Врут! Мертвечиной пахнет! Чистых, умытых покойничков мы все жалеем, все любим, а ты живых полюби, грязных. Нету на земле святых! Я их не видел. Зачем их выдумывать?! - парень привстал на локоть; смутно - пятном - белело в сумраке, в углу, его лицо, зло и жутковато сверкали глаза.

- Поостынешь маленько, поймешь: не было ба добрых людей, жись ба давно остановилась. Сожрали бы друг друга или перерезались. Это никакой меня не Христос учил, сам так считаю. А святых - это верно: нету. Я сам вроде ничо, никто не скажет: плохой или злой там. А молодой был... Недалеко тут кержацкий скит стоял, за согрой, семья жила: старик со старухой да дочь ихняя годов двадцати пяти, Они, может, не такие уж старые были, старики-то, а мне казалось тогда старые. Они цотом ушли куда-то. Ну, дак вот: была у их дочь. Все божественные, спасу нет: от людей ушли, от греха, дескать, подальше. А я эту дочь-ту заманил раз в березник и... это... ла-ла с ей. Хорошая девка была, здоровая. До ребенка дело дошло. А уж я женатый был...

- А говоришь, худюю ничего не делал?
 - Вот и выходит, што я не святой. Я не насильничал, правда, лаской донял, а все одно... дитя-то пустил по свету. Спомнишь-жалко. Большой уж теперь, материт, поди.
 - Жизнь дал человеку - не убил. И ее, может, спас. Может, она после этого рванула от них. А так довели бы они ее со своими молитвами: повесилась бы на суку где-нибудь, и все. И мужика бы ни разу не узнала. Хорошее дело сделал, не переживай.
 - Хорошее или плохое, а было так. Хорошего-то мало, конечно.
 - Там еще осталось?
 - Спиртяги? Есть маленько. Пей, я не хочу больше.
- Парень выпил. Опять крякнул. Не стал закусывать.
- Много пьешь-то?

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Нет, это... просто перемерз. Пить надо не так, отец. Надо красиво пить. Музыка... Хорошие сигареты, шампанское... Женщины. Чтоб тихо, культурно.- Парень опять размечтался, лег, закинул руки за голову.- Бардаки презираю. Это не люди - скот. М-м, как можно красиво жить! Если я за одну ночь семь раз заигрывал с курнозой - так? - если она меня гладила костлявой рукой и хотела поцеловать в лоб,- я устаю, Я потом отдыхаю, Я наслаждаюсь и люблю жизнь больше всех прокуроров, вместе взятых. Ты говоришь - риск? А я говорю - да. Пусть обмирает душа, пусть она дрожит, как овечий хвост,- я иду прямо, я не споткнусь и не поверну назад.

- Ты кем работал до этого? - поинтересовался Никитич,

- Я? Агентом по снабжению. По культурным связям с зарубежными странами. Вообще я был ученый. Я был доцентом на тему: "что такое колорадский жук и как с ним бороться",- Парень замолчал, а через минуту сонным голосом сказал: - Все, отец... Я ушел.

- Спи.

Никитич пошуровал короткой клюкой в камельке, набил трубочку и стал думать про парня. Вот тебе и жизнь - все дадено человеку: красивый, здоровый, башка вроде недурная... А... что? Дальше что? По лесам бегать? Нет, это город их доводит до ручки. Они там свихнулись все. Внуки Никитича - трое - тоже живут в большом городе. Двое учатся, один работает, женат. Они не хвастают, как этот, но их тянет в город. Когда они приезжают летом, им скучно. Никитич достает ружья, водит в тайгу и ждет, что они просветлеют, отдохнут душой и проветрят мозги от ученья. Они притворяются, что им хорошо, а Никитичу становится неловко: у него больше ничего нет, чем порадовать внуков. Ему тяжело становится, как будто он обманул их. У них на уме один город. И этот, на нарах, без ума в город рвется. На его месте надо уйти подальше, вырыть землянку и пять лет не показываться, если уж сидеть невмоготу стало. А он снова туда, где на каждом шагу могут за шкирку взять. И ведь знает, что возьмут, а идет... "Что за сила такая в этом городе! Ну ладно, я - старик, я бывал там три раза всего, я не понимаю... Согласен, Там весело и огней много. Но раз я не понимаю, так я и не хаю. Охота там? На здоровье, а мне здесь хорошо. Но так получается, что они приходят оттуда и нос воротят: скучно, тоска. Да присмотришь хорошенько! Ты же увидишь-то ничего не успел, а уж давай молоть про свой город. А посмотри, как, к примеру, муравей живет. Или - крот. Да любая животина!.. Возьми приглядись для интереса. А потом думай: много ты про жизнь знаешь или нет? Вы мне - сказки про город?.. А если я начну рассказывать, сколько я знаю! Но меня не слушают, а на вас глаза пялят - городской. А мне хрен с тобой, что ты городской, что ты штиблетами по тротуару форсишь. Дофорсился вот: отвалили лет пятнадцать, наверно, за красивую-то жизнь. Магазин, наверно, подломил, не иначе. Шиканул разок - и загремел. И опять на рога лезет. Сам! Это уж, значит, не может без города. Опять на какой-нибудь магазин нацелился. Шампанское... а откуда оно, шампанское-то, возьмется? Дурачье... Сожрет он вас, город, с костями вместе. И жалко дураков. И ничего сделать нельзя. Не докажешь".

Дрова в камельке догорели. Никитич дождался, когда последние искорки умерли в золе, закрыл трубу, погасил фонарь, лег рядом с парнем. Тот глубоко и ровно дышал, неловко подвернув под себя руку. Даже не шевельнулся, когда Никитич поправил его руку.

"Намаялся,-подумал Никитич.-Дурило... А кто заставляет? Эх, вы!!"

...За полночь на улице, около избушки, зашумели. Послышались голоса двух или трех мужчин.

Парень рывком привстал - как не спал.

Никитич тоже приподнял голову.

- Кто это? - быстро спросил парень.

- Шут их знает.

Парень рванулся с нар - к двери, послушал, зашарил рукой по стене - искал ружье. Никитич догадался,

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Ну-ка, не дури! - прикрикнул негромко.- Хуже беды наделаешь,
- Кто это? - опять спросил парень.
- Не знаю, тебе говорят.
- Не пускай, закройся.
- Дурак. Кто в избушке закрывается? Нечем закрываться-то. Ложись и не шевелись.
- Ну, дед!..

Парень не успел досказать. Кто-то поднялся на крыльцо и искал рукой скобу. Парень ужом скользнул на нары, еще успел шепнуть:

- Отец, клянусь богом, чертом, дьяволом: продашь... Умоляю, старик. Век...
- Лежи,- велел Никитич.

Дверь распахнулась.

- Ага! - весело сказал густой бас. - Я же говорил: кто-то есть, Тепло, входите!
- Закрывай дверь-то! - сердито сказал Никитич, слезая с нар. Обрадовался тепло! Расшиперься пошире - совсем жарко будет.
- Все в порядке,- сказал бас,- и тепло, и хозяин приветливый.

Никитич засветил фонарь.

Вошли еще двое. Одного Никитич знал: начальник районной милиции. Его все охотники знали: мучил охотничьими билетами и заставлял платить взносы.

- Емельянов? - спросил начальник, высокий упитанный мужчина лет под пятьдесят.- Так?
- Так, товарищ Протокин.
- Ну вот!.. Принимай гостей.

Трое стали раздеваться.

- Пострелять? - не без иронии спросил Никитич. Он не любил этих наезжающих стрелков: только пошумят и уедут.
- Надо размяться маленько. А это кто? - Начальник увидел парня на нарах.
- Иолог,- нехотя пояснил Никитич.- От партии отстал.
- Заблудился, что ли?
- Но.
- У нас что-то неизвестно. Куда ушли, он говорил?
- Кого он наговорит! Едва рот разевал: замерзал. Спиртом напоил его - щас спит как мертвый.

Начальник зажег спичку, поднес близко к лицу парня, У того не дрогнул ни один мускул. Ровно дышал.

- Накачал ты его.- Спичка начальника погасла.- Что же у нас-то ничего не известно?
- Может, не успели еще сообщить? - сказал один из пришедших.
- Да нет, видно, долго бродит уже. Не говорил он, сколько один ходит?

- Нет,- отвечивал Никитич.- Отстал, говорит. И все.

- Пусть проспится. Завтра выясним. Ну что, товарищи: спать?

- Спать,- согласились двое.- Уместимся?

- Уместимся,- уверенно сказал начальник.- Мы прошлый раз тоже впятером были. Чуть не загнулись к утру: протопили, да мало. А мороз стоял - под пятьдесят.

Разделись, улеглись на нарах. Никитич лег опять рядом с парнем, Пришлые поговорили немного о своих районных делах и замолчали. Скоро все спали.

...Никитич проснулся, едва только обозначилось в стене оконце. Парня рядом не было, Никитич осторожно слез с нар, нашарил в кармане спички. Еще ни о чем худом не успел подумать. Чиркнул спичкой... Ни парня нигде, ни фуфайки его, ни ружья Никитича не было. Неприятно сжало под сердцем. "Ушел. И ружье взял".

Неслышно оделся, взял одно ружье из трех, составленных в углу, пощупал в кармане патроны с картечью. Тихо открыл дверь и вышел.

Только-только занимался рассвет. За ночь потеплело. Туманная хмарь застила слабую краску зари. В пяти шагах еще ничего не было видно. Пахло весной.

Никитич надел свои лыжи и пошел по своей лыжне, четко обозначенной в побуревшем снегу.

- Сукин ты сын, варнак окаянный,- вслух негромко ругался он. Уходи, пес с тобой, а ружье-то зачем брать! Што я тут без ружья делать стану, ты подумал своей башкой? Што я, тыщи, што ли, большие получаю, напасаться на вас на всех ружьями? Ведь ты же его, поганец, все равно бросишь где-нибудь. Тебе лишь бы из тайги выйти... А я сиди тут сложа ручки без ружья. Ни стыда у людей, ни совести.

Помаленьку отбеливало.

День обещал быть пасмурным и теплым.

Лыжня вела не в сторону деревни.

- Боишься людей-то? Эх, вы... "Красивая жись". А последнее ружьишко у старика взять - это ничего, можно. Но от меня ты не уйде-ешь, голубчик. Я вас таких семерых заматаю, хоть вы и молодые.

Зла большого у старика не было. Обидно было: пригрел человека, а он взял и унес ружье. Ну не подлец после этого!

Никитич прошел уже километра три. Стало совсем почти светло; лыжня далеко была видна впереди.

- Рано поднялся. И ведь как тихо сумел!

В одном месте парень останавливался закурить: сбочь лыжни ямка палки втыкал, на снегу крошки листовухи и обгоревшая спичка.

- И кисет прихватил! - Никитич зло плюнул.- Вот поганец так поганец! - Прибавил шагу.

...Парня Никитич увидел далеко в ложбине, внизу.

Шел парень дельным ровным шагом, не торопился, но податливо. За спиной - ружье.

- Ходить умеет,- не мог не отметить Никитич.

Свернул с лыжни и побежал в обход парню, стараясь, чтоб его скрывала от него вершина длинного отлогого бугра. Он примерно знал, где встретит парня: будет на пути у того неширокая просека. Он пройдет ее, войдет снова в чащу... и, тут его встретит Никитич.

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Щас я на тебя посмотрю,- не без злорадства приговаривал Никитич, налегая вовсю на палки.

Странно, но ему очень хотелось еще раз увидеть прекрасное лицо парня. Что-то было до страсти привлекательное в этом лице. "Может, так и надо, что он рвется к своей красивой жизни. Что ему тут делать, если подумать? Засохнет. Жизнь, язви ее, иди разберись".

У просеки Никитич осторожно выглянул из чащи: лыжни на просеке еще не было - обогнал. Быстро перемахнул просеку, выбрал место, где примерно выйдет парень, присел в кусты, проверил заряд и стал ждать. Невольно, опытным охотничьим глазом осмотрел ружье: новенькая тулка, блестит и резко пахнет ружейным маслом. "На охоту собирались, а не подумали: не надо, чтоб ружье так пахло. На охоте надо и про табачок забыть, и рот чаем прополоскать, чтоб от тебя не разило за версту, и одежду лучше всего другую надеть, которая на улице висела, чтоб жильем не пахло. Охотники-горе луковое".

Парень вышел на край просеки, остановился. Глянул по сторонам. Постоял немного и скоро-скоро побежал через просеку. И тут навстречу ему поднялся Никитич.

- Стой! Руки вверх! - громко скомандовал он, чтоб совсем ошарашить парня.

Тот вскинул голову, и в глазах его отразился ужас. Он дернулся было руками вверх, но узнал Никитича. - Говоришь: не боюсь никого, сказал Никитич, - а в штаны сразу наклал.

Парень скоро оправился от страха, улыбнулся обаятельной своей улыбкой немножко насильственно.

- Ну, отец... ты даешь. Как в кино... твою в душу мать. Так можно разрыв сердца получить.

- Теперь, значит, так,- деловым тоном распорядился Никитич, ружье не сьмай, а достань сзади руками, переломи и выкинь из казенника патроны. И из кармана все выбрось. У меня их шестнадцать штук оставалось. Все брось на снег, а сам отойди в сторону. Если задумаешь шутки шутить, стреляю, Сурьезно говорю.

- Дошло, батя. Шутить мне сейчас что-то не хочется.

- Бесстыдник, воруга.

- Сам же говорил: погано в лесу без ружья.

- А мне тут чо без его делать?

- Ты дома.

- Ну, давай, давай. Дома, што у меня дома-то - завод, што ли?

Парень выгреб из карманов патроны - четырнадцать: Никитич считал. Потом заломил руки за спину; прикусив нижнюю губу, внимательно глядел на старика. Тот тоже не сводил с него глаз: ружье со взведенными курками держал в руках, стволами на уровне груди парня.

- Чего мешкаешь?

- Не могу вытащить...

- Ногтями зацепи... Или постучи кулаком по прикладу.

Выпал сперва один патрон, потом второй.

- Вот. Теперь отойди вон туда.

Парень повиновался.

Никитич собрал патроны, поклат в карманы полушубка.

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Кидай мне ружье, а сам не двигайся.

Парень снял ружье, бросил старику.

- Теперь садись, где стоишь, покурим. Кисет мне тоже кинь. И кисет спер...

- Курить-то охота мне,

- Ты вот все - мне да мне. А про меня, черт полосатый, не подумал! А чего мне-то курить?

Парень закурил.

- Можно я себе малость отсыплю?

- Отсыпь. Спички-то есть?

- Есть.

Парень отсыпал себе листовухи, бросил кисет старику. Тот закурил тоже. Сидели шагах в пяти друг от друга.

- Ушли эти?.. Ночные-то.

- Спят. Они спать здоровы. Не охотничают, а дурочку валяют. Погулять охота, а в районе у себя не шибко разгуляешься - на виду. Вот они и идут с глаз долой.

- А кто они?

- Начальство... Заряды зря переводят,

- М-да...

- Ты чо же думал: не догоню я тебя?

- Ничего я не думал. А одного-то ты знаешь. Кто это? По фамилии называл... Протокин, что ли.

- В собесе работает. Пенсию старухе хлопотал, видел его там...

Парень пытливо посмотрел на старика:

- Это там, где путевки на курорт выписывают?

- Ага.

- Темнишь, старичок. Неужели посадить хочешь? Из-за ружья...

- На кой ты мне хрен нужен - сажать? - искренне сказал Никитич.

- Продай ружье? У меня деньги есть.

- Нет,- твердо сказал Никитич.- Спросил бы с вечера - подобра, может, продал бы. А раз ты так по-свински сделал, не продам.

- Не мог же я ждать, когда они проснутся.

- На улицу бы меня ночью вызвал: так и так, мол, отец: мне шибко неохота с этими людьми разговаривать. Продай, мол, ружье - я уйду. А ты... украл. За воровство у нас руки отрубает.

Парень положил локти на колени, склонился головой на руки. Сказал глуховато:

- Спасибо, что не выдал вчера.

- Не дойдешь ты до своей воли все одно.

Парень вскинул голову:

- Почему?
 - Через всю Сибирь идти - шутка в деле!
 - Мне только до железной дороги, а там поезд. Документы есть. А вот здесь без ружья... здесь худо. Продай, а?
 - Нет, даже не упрашивай.
 - Я бы теперь новую жизнь начал... Выручил бы ты меня, отец...
 - А документы-то где взял? Ухлопал, поди, кого-нибудь?
 - Документы тоже люди делают.
 - Фальшивые. Думаешь, не поймают с фальшивыми?
 - Ты обо мне... прямо как родная мать заботишься. Заладил, как попугай: поймают, поймают. А я тебе говорю: не поймают.
 - А шампанскую-то на какие шиши будешь распивать?.. Если честно-то робить пойдешь.
 - Сдуру я вчера натрепался, не обращай внимания. Захмелел.
 - Эх, вы...- Старик сплюнул желтую едкую слюну на снег.- Жить бы да жить вам, молодым... А вас... как этих... как угорелых по свету носит, места себе не можете найти. Голод тебя великий воровать толкнул? С жиру беситесь, окаянные. Петух жареный в зад не клевал...
 - Как сказать, отец...
 - Кто же тебе виноватый?
 - Хватит об этом,- попросил парень.- Слушай...- Он встревоженно посмотрел на старика. - Они ж сейчас проснутся, а ружья - нет. И нас с тобой нет... Искать кинутся.
 - Они до солнышка не проснутся.
 - Откуда ты знаешь?
 - Знаю. Они сами вчера с похмелья были. В избушке теплень: разморит - до обеда проспят. Им торопиться некуда.
 - М-да...-грустно сказал парень,-дела-делишки.
- Повалил вдруг снег большими густыми хлопьями - теплый, тяжелый.
- На руку тебе.- Никитич посмотрел вверх.
 - Что? - Парень тоже посмотрел вверх.
 - Снег-то... Заметет все следы.
- Парень подставил снегу ладонь, долго держал. Снежинки таяли на ладони.
- Весна скоро...- вздохнул он.
- Никитич посмотрел на него, точно хотел напоследок покрепче запомнить такого редкостного здесь человека.
- Представил, как идет он один, ночью... без ружья.
- Как ночуешь-то?
 - У огня покемарю... Какой сон.

- Хоть бы уж летом бегали-то. Все легче,
- Там заявок не принимают – когда бежать легче. Со жратвой плохо. Пока дойдешь от деревни до деревни, кишки к спине прирастают. Ну ладно. Спасибо за хлеб-соль.
- Парень поднялся. – Иди, а то проснутся эти твои... Старик медлил.
- Знаешь... есть один выход из положения, – медленно заговорил он. Дам тебе ружье. Ты завтра часам к двум, к трем ночи дойдешь до деревни, где я живу...

- Ну?

- Не понужай. Дойдешь. Постучишь в какую-нибудь крайнюю избу: мол, ружье нашел... или... нет, как бы придумать?.. Чтoб ты ружье-то оставил. А там от нашей деревни прямая дорога на станцию – двадцать верст. Там уж не страшно. Машины ездят. К свету будешь на станции. Только там заимка одна попадетсЯ, от нее, от заимки-то, ишо одна дорога влево пойдет, ты не ходи по ей – это в район. Прямо иди.

- Отец...

- погоди! Как с ружьем-то быть? Скажешь: нашел – перепугаются, искать пойдут. А совсем ружье отдавать жалко. Мне за него, хоть оно старенькое, три вот таких не надо, – Никитич показал на новую переломку.

Парень благодарно смотрел на старика и еще старался, наверно, чтобы благодарности в глазах было больше.

- Спасибо, отец,

- Чего спасибо? Как я ружье-то получу?

Парень встал, подошел к старику, присел рядом.

- Сейчас придумаем... Я его спрячу где-нибудь, а ты возьмишь потом.

- Где спрячешь?

- В стогу каком-нибудь, недалеко от деревни,

Никитич задумался.

- Чего ты там разглядишь ночью?.. Вот ишо: постучишь в крайнюю избу, спросишь, где Мазаев Ефим живет. Тебе покажут. Это кум мой, к Ефиму придешь и скажешь: стретил, мол, Никитича в тайге, он повел иологов в Змеиную согру. Патроны, мол, у него кончились, а чтoб с ружьем зря не таскаться, он упросил меня занести его тебе. И чтoб ждали меня к послезавтрему! А што я повел иологов, пусть он никому не говорит. Заработает, мол, придет – выпьете вместе, а то старуха все деньги отберет сразу. Запомнил? Щас мне давай на литровку – а то от Ефима потом не отвяжешься – и с богом. патронов даю тебе... шесть штук. И два картечных – на всякий случай. Не истратишь – возле деревни закинь в снег подальше, Ефиму не отдавай – он хитрый, зачует неладное. Все запомнил?

- Запомнил. Век тебя не забуду, отец.

- Ладно... На деревню держись так: солнышко выйдет-ты его все одно увидишь – пусть оно сперва будет от тебя слева. Солнышко выше, а ты его все слева держи. А к закату поворачивай, чтoб оно у тебя за спиной очутилось, чуток с правого уха. А там – прямо. Ну, закурим на дорожку... Закурили.

- Сразу как-то не о чем стало говорить. Посидели немного, поднялись.

- До свиданья, отец, спасибо.

- Давай.

И уж пошли было в разные стороны, но Никитич остановился, крикнул парню:

Охота жить. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Слышь!.. А вить ты, парень, чуток не вляпался: Протокин-то этот - начальник милиции. Хорошо, не разбудил вчерась... А то бы не отвертеться тебе от него - дошлый, черт.

Парень ничего не говорил, смотрел на старика.

- Он бы щас: откуда? куда? Никакие бы документы не помогли.

Парень промолчал.

- Ну шагай.- Никитич подкинул на плече чужое ружье и пошел через просеку назад, к избушке. Он уже почти прошел ее всю, просеку... И услышал: как будто над самым ухом оглушительно треснул сук. И в то же мгновение сзади, в спину и в затылок, как в несколько кулаков, сильно толкнули вперед. Он упал лицом в снег. И ничего больше не слышал и не чувствовал. Не слышал, как закидали снегом и сказали: "Так лучше, отец. Надежнее".

...Когда солнышко вышло, парень был уже далеко от просеки. Он не видел солнца, шел, не оглядываясь, спиной к нему. Он смотрел вперед.

Тихо шуршал в воздухе сырой снег.

Тайга просыпалась.

Весенний густой запах леса чуть дурманил и кружил голову.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!